

В.Н. ПАРФЕНОВ

К ОЦЕНКЕ РИМСКО-БОСПОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В I–II вв. н.э.

Как известно, последним (по крайней мере, известным) военным конфликтом между Римом и Боспором были события 40-х гг. I в. н.э. Однако в науке имеется и другое мнение: почти столетие назад Э. Миннзом на основе сообщения Евтропия (VIII.3.1) было высказано предположение, согласно которому, боспорский царь Савромат I попытался выступить против Рима, но эта попытка была пресечена Траяном [Minns, 1913, p. 604]. В отечественной науке данная гипотеза приобрела известную популярность.

В более мягкой форме (Савромат стремился уменьшить степень зависимости своего государства от Рима) эта идея была обоснована, главным образом на нумизматическом материале, Н.А. Фроловой [Фролова, 1968, с. 142 сл.], поддержана Д.Б. Шеловым [Шелов, 1981, с. 58], подкреплена археологическим материалом и дополнительной аргументацией в работе В.П. Толстикова. По мнению последнего, основанному на результатах раскопок Н.И. Сокольского и собственных археологических исследований, римляне для пресечения сепаратистских тенденций в политике боспорского царя провели карательную акцию, которая заключалась в уничтожении оборонительной системы Фанталовского полуострова и даже укреплений акрополя Пантикапея [Толстиков, 1992, с. 54–65]. С.Ю. Сапрыкин, не подвергая сомнению саму идею стремления этого царя к большей независимости от Рима, оспорил лишь предложенную сторонниками данной гипотезы хронологию и усомнился в том, что разрушение боспорских укреплений произведено римлянами или даже самим царем по их приказу [Сапрыкин, 1997, с. 89–94; ср.: Сапрыкин, 1998, с. 203 сл.].

Чтобы оценить степень вероятности этого, условно говоря, нового римско-боспорского конфликта, зададимся для начала самым общим вопросом: что выигрывало Боспорское царство, освободившись от опеки Рима, которая заключалась в оказании финансовой (а при необходимости – и военной) помощи? Гипотетическая независимость оставила бы Боспор в одиночестве перед лицом сарматов северо-кавказских степей и крымских скифов, которые, как отметил еще М.И. Ростовцев, являлись самыми опасными его врагами [Rostovtzeff, 1936, p. 95]. Никакие выгоды от торговли с варварами, никакие дипломатические ухищрения не могли вплоть до нового времени

устранить перманентную угрозу со стороны кочевников оседлому населению любого государства (и Боспор здесь исключением не являлся) [Виноградов, 2008, с. 60–66]. Как все чаще отмечается исследователями, местные цари были заинтересованы в поддержке (в том числе военной) со стороны Рима не меньше, если не больше, чем в них нуждались римляне [Браунд, 1991, с. 52; Функ, 1992, с. 76 сл.; Панов, 2003, с.121, 166 слл.; Nadel, 1961, str. 133]. Остаётся только согласиться с Д. Браундом в том, что не следует искать «конфликтные ситуации там, где их на самом деле не было» [Браунд, 1991, с. 34].

Того же мнения придерживается Х. Хайнен, который констатирует, что у советских исследователей, особенно послевоенного времени, прослеживается вполне определенная тенденция — преувеличивать независимость боспорских правителей по отношению к Риму. Однако, отмечает автор, хотя цари Боспора, судя по эпиграфическому материалу, охотно подчеркивали самостоятельность своей династии, но не менее охотно они перечисляли и свои верноподданнические по отношению к Риму титулы. Таким образом, дружба с Римом и «национальная» традиция выступали не как противоположности друг другу, а как двойная, взаимодополняющая конструкция [Heinen, 2006, S. 31 f. Ср.: Сапрыкин, 2005, с. 80].

Рим традиционно предпочитал опираться на систему зависимых царств, находившихся в отношениях клиентелы со своим великим соседом. Однако надёжный клиент - это слабый клиент. Слабость, в свою очередь, делала сомнительной военную ценность таких государств. С другой стороны, сильное государство-клиент становилось опасным, как только узы зависимости от Рима ослабевали [Luttwak, 1976, p. 114]. Но Боспорское царство было на особом положении. Как отметил Б. Функ, «по большому счету, Боспор выходил из сферы прямых римских интересов уже по одной той причине, что его географическое положение было чисто периферийным, и это, несомненно, приводило римлян к признанию ограниченности своей власти над этим краем» [Функ, 1992. с. 76]. Особое правовое положение Боспорского царства среди государств-клиентов Рима, включавшее право на самостоятельную внешнюю политику, отмечено в науке достаточно давно [Надэль, 1948, с. 214].

Одним из основных аргументов сторонников существования конфликта между Боспором и Римом в начале II в. является принятие Савроматом I титула «царь царей», что, по их мнению, не могло не раздражать римлян. Но следует в первую очередь указать, что любые попытки осуществить конкретную хронологическую привязку принятия боспорским царем титула βασιλεὺς βασιλέων, а затем отказа от него (сугубо гипотетического) несостоятельны уже потому, что обе надписи, содержащие его (КБН. 45; 1048), не датированы. Поэтому при желании можно отнести их и ко времени Адриана, который относился к поведению правителей зависимых от Рима государств гораздо более либерально, чем его предшественник (SHA. *Hadr.* 17.10). Но вопрос, думается,

следует ставить более широко: почему данный титул Савромата, бесспорно, одного из наиболее выдающихся государственных деятелей своего времени [Rostovtzeff, 1936, с. 97; Ростовцев, 1990, с. 176], мог задевать интересы Рима?

В свое время Б. Надэль подробно проанализировал политико-правовое положение Боспорского царства в системе римского господства и пришел к выводу, что Боспор в этом отношении уникален – его нельзя целиком «вписать» ни в одну из стандартных моделей взаимоотношений Рима с зависимыми от него государствами [Nadel, 1961, str. 129–131]. К. Навотка, остановившись именно на отношении боспорских правящих кругов к Риму, отметил, что «боспорская пропаганда должна была выполнять сложную задачу: Риму доказывать лояльность боспорских монархов, а собственным подданным – их суверенитет» [Nawotka, 1989, p. 338]. Представляется, что титул «царь царей», принимаемый тем или иным боспорским монархом за вполне реальные военные и дипломатические достижения, относился ко второй части этой двуединой задачи. Современные исследователи, которые видят в нем проявление римско-боспорского конфликта, вольно или невольно повторяют один из штампов советского периода нашей науки, когда было принято, как отметил недавно Х. Хайнен, подчеркивать независимость боспорских царей по отношению к Риму [Heinen, 2006, S. 42].

Б. Надэль по этому поводу указывает, что Савромат I не уникален – тот же титул носили Асандр до него и Котис II после него. «В то же время нет ни одного случая, чтобы его носили правители других государств, зависимых от Рима. С правовой точки зрения, сохранение титула βασιλεὺς βασιλέων подчеркивает полную независимость боспорского правителя в отношении цезаря и одновременно является проявлением признания Римом его суверенности» [Nadel, 1961, str. 130]. Тот же автор обратил внимание на то, что еще А. Альфёльди провел в этом отношении параллель между Боспорским царством первых веков н.э. и Пальмирой времени Одената, который принял, наряду с римскими, и титул βασιλεὺς βασιλέων [Alföldi, 1939, p. 175 сл.]. И Б. Надэль, и А. Альфёльди полагают, что боспорские цари имели этот титул, наряду с другими символами суверенитета, например, правом чеканки золотой монеты с разрешения Рима – все это отражало уникальное положение Боспора в системе римского господства. Интересна мысль А. Альфёльди о том, что случай с Оденатом имел особый подтекст: «*But what the name did emphasize the more strongly was a rivalry with the Great Kings of Persia*». [Alföldi, 1939, с. 176]. Думается, эта идея вполне применима и к Боспору: римская санкция на именование Савромата «царем царей» могла быть частью сложной дипломатической игры либо Траяна, либо уже Адриана, нацеленной против Парфии.

Таким образом, нельзя не согласиться с выводом, сделанным в одном из последних исследований по данной проблематике: «Военные успехи Савромата в отношении соседних племен и сопровождаемое этим усиление военного могущества Боспорского царства являются общепризнанным фактом, однако

на основании этого слишком рано делать вывод о непременном отходе боспорского царя от Рима. Использование титула «царь царей» и указание на своих царственных предков отражали реальное положение вещей, и сомнительно, чтобы это как-либо ущемляло римские интересы» [Панов, 2008, с. 191].

Сторонники гипотезы о конфликте Боспора и Рима при Савромате обычно ссылаются на краткое сообщение Евтропия, согласно которому, император Траян «*Hiberorum regem et Sauromatarum et Bosphoranorum et Arabum et Osdroenorum et Colchorum in fidem accepit*» (Eutrop. VIII.3.1). В.В. Латышев понимал этот текст так, что Траян *подчинил*, в числе прочих, и царя Боспора [Латышев, 1909, с. 113, прим. 3]. Но в современном русском переводе этот пассаж трактуется несколько иначе и, как представляется, ближе к истине: Траян «царей Иверии, савроматов, Боспора, арабов, Осроены и колхов *принял под свое покровительство*» (курсив мой. – В.П. Перев. А.И. Донченко).

Хотя выражение «*accipere in fidem*» достаточно многозначно [см.: OLD, p. 21 f., 697], в государственно-правовом отношении оно имеет вполне определенный смысл: принятие римского господства путем заключения договора о «дружбе» [Nadel, 1961, str. 128]. Н.А. Фролова на основе анализа боспорской монетной чеканки этого периода полагает, что Савромату пришлось *дважды* заключать договор с Траяном [Фролова, 1968, с. 143], но из текста Евтропия такого вывода сделать нельзя. Кроме того, нельзя не заметить, что для обозначения тех случаев, когда этот император решал внешнеполитические проблемы чисто силовыми методами, данный автор применяет иную терминологию¹. Что же касается корректности самого вывода Н.А. Фроловой, то к этому сюжету придется вернуться ниже.

Эпиграфика не дает никакого материала для заключения о конфликте между Боспором и Римом. Все датированные надписи царя Савромата I содержат в титулатуре традиционный набор «друг цезаря и друг римлян», иногда с добавлением «пожизненный первосвященник августов».

Распределяются они в такой хронологической последовательности:

1. 98 г. [см.: Парфенов, 2008, с. 212 сл.; 2009, с. 349–354.]: $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho\ \kappa\alpha\iota\ \phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ (КБН. 43).
2. Ноябрь 104 г.: $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho\ \kappa\alpha\iota\ \phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ (КБН. 1259).
3. Ноябрь 105 г.: $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho\ \kappa\alpha\iota\ \phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ (КБН. 1021).
4. 105/6 г.: $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho\ \kappa\alpha\iota\ \phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma, \ \acute{\alpha}\rho\chi\iota\epsilon\rho\epsilon\upsilon\varsigma\ \tau\acute{\omega}\nu\ \Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{\omega}\nu\ \delta\iota\acute{\alpha}\ \beta\acute{\iota}\omicron\upsilon$ (КБН. 1045).
5. Май 111 г.: $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho\ \kappa\alpha\iota\ \phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ (КБН. 1115).
6. 116/7 г.: $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho\ \kappa\alpha\iota\ \phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma, \ \acute{\alpha}\rho\chi\iota\epsilon\rho\epsilon\upsilon\varsigma\ \tau\acute{\omega}\nu\ \Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{\omega}\nu\ \delta\iota\acute{\alpha}\ \beta\acute{\iota}\omicron\upsilon$ (КБН. 44).

¹ *Daciam Deceballo victo subegit... Armeniam... recepit... Carduenos, Marcomedos occupavit... Messenios vicit...* (VIII.2.2; 3.1).

Делать далеко идущие выводы на том основании, что между 98 и 104, 105/6 и 111, 111 и 116/7 гг. такие надписи отсутствуют, было бы опрометчиво просто потому, что «каменный архив» Боспора дошел до нас в весьма фрагментарном состоянии.

Что же касается нумизматического материала, то установившийся еще до Савромата тип боспорского статера (портрет, имя и титул царя на аверсе, изображение римского императора и дата боспорской эры на реверсе) не претерпел существенных изменений за весь период его правления. Медная же монета была рассчитана на сугубо локальное обращение, появление на ней императорского портрета и дарованных императором царских инсигний (τετραί), несомненно, отражает какие-то конкретные события и нюансы римско-боспорских отношений, но отсутствие данных элементов монетного типа вовсе не свидетельствует о кризисе этих отношений и уж тем более о разрыве между Боспором и Римом. Остановимся на этом подробнее.

Среди крупных медных монет Боспорского царства обращает на себя внимание один тип, имеющий несколько разновидностей. К этим монетам, которые чеканились на протяжении около полутора столетий, относятся почти исключительно сестерции (МН), а также два дупондия (КД) и один двойной денарий (*В). Разновидности этого типа можно по характеру изображений условно распределить по следующим группам.

1. Круглый щит с копьем, голова коня, топор, шлем, меч.
2. Курульное кресло, скипетр с императорским бюстом.
3. Круглый щит, копье, голова коня, шлем, голова воина, меч.
4. Курульное кресло с венком, круглый щит, копье, скипетр с императорским бюстом, внизу топор (?).
5. Курульное кресло с венком, круглый щит, скипетр с императорским бюстом.

В комплекте с курульным креслом и венком щит изображается то с копьем [Анохин, 1986, №№ 431, 449, 455–457, 482], то без него [там же, №№ 469–470]. Кроме того, там, где копье входит в набор кавалерийского вооружения, оно изображено с наконечником (например, № 523), в то время, как то же оружие вместе со щитом, курульным креслом и венком наконечника, по крайней мере, в некоторых случаях (№ 528), не имеет.

Впервые, как принято считать, этот тип представлен дупондием с легендой τετραί (ионизм от τετραί) βασιλέως Κόττιος, который, однако, принято относить к монетной чеканке Рескупорида I (68/9–91/2 гг. н.э.)². В дальнейшем эта легенда

² В отношении боспорского царя в литературе мнения расходятся, именовать ли его Рескупоридом I или же (традиционно) II. Не вдаваясь в детали дискуссии, можно отметить, что В. Д. Блаватским и Н. А. Фроловой практически синхронно были приведены убедительные аргументы в пользу того, что современник Флавиев, сын Котиса и Евники, был первым боспорским царем, носившим это имя [см.: Фролова, 1976, с. 103–111; Блаватский, с. 56–62]. Впрочем,

выходит из употребления – в последний раз она встречается у Савромата I в форме $\tau\epsilon\iota\mu\alpha\iota\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma\ \Sigma\alpha\upsilon\rho\omicron\mu\acute{\alpha}\tau\omicron\upsilon$ – тогда как сам тип продолжает существовать вплоть до времени Рескупорида II (211/2–228/9) и исчезает вместе с исчезновением самого номинала (сестерция) из боспорской монетной системы.

По поводу значения этих изображений особых разногласий в науке нет: принято считать, что данные монеты чеканились в знак утверждения царя на троне его римским сюзереном [Фролова, 1999, с. 149]. Если это было так, то датировать эти монеты следует либо началом правления боспорского царя, либо началом нового принципата: царь должен был спешить оповестить подданных о легитимизации собственного положения³.

Чтобы выяснить реальное положение дел, необходимо иметь в виду, что, заключая союзный договор с тем или иным царем, Рим придерживался юридической фикции, будто данный монарх обладает властью лишь по решению сената, и в знак этого посылал ему царские инсигнии. При этом пурпурное одеяние и скипетр полагались лишь правителям крупных государств (например, Египта, Мавретании), тогда как более мелкие властители обходились претекстой (*toga praetexta* – одеяние римских магистратов) [Rosenberg, 1914, Sp. 720].

Что же касается Боспора, то, если принять традиционную точку зрения о характере данного монетного типа, бросается в глаза явное несоответствие данного случая традиционно пренебрежительному отношению Рима к вассальным (и не только) монархам. Кроме того, ассортимент и количество изображенных на монетах предметов заставляют предполагать, что едва ли дело ограничивалось лишь «инвеститурой».

Следует вспомнить, что *reges socii* эпохи Империи могли иметь всадническое достоинство и воинский ранг *tribunus militum*⁴. Поэтому ключевое значение имеет

как не без удивления отметил К. Навотка, сила традиции оказалась живучей: та же Н.А. Фролова в более поздних своих работах именуется этого царя Рескупоридом II [Nawotka, 1989, p. 332, note 48. Ср., например: Фролова, 1968, с. 133 сл.; Фролова, 1997. С. 103 сл.; Яйленко, 1990, с. 170 сл.]. Подразумевается, что, как доказывали в свое время П.О. Бурачков и А.Л. Бертье-Деллагард, Рескупоридом I (тронное имя) был Аспург, основатель династии [Бертье-Деллагард, 2009, с. 69 сл.]. Однако эта точка зрения не подтверждается эпиграфическим материалом: в надписях этот правитель именуется только Аспургом [КБН, 39, 40, 958, 985; Кузнецов, 2006, с. 157].

³ В Риме времен Империи продолжал действовать старый принцип, согласно которому между Римом и любым монархом вообще невозможен никакой постоянный государственный договор. *Foedus* мог заключаться лишь между двумя свободными народами, тогда как с царем возможно было вступить лишь в персональные отношения, причем договор утрачивал силу со смертью данного монарха [Rosenberg, 1914, Sp. 719 f.].

⁴ Предположение О.В.Кудрявцева и Н.А. Фроловой [Кудрявцев, 1949, с. 159; Фролова, 1968, с. 56] о том, что изображение курульного кресла на монетах означало дарование боспорскому царю римского гражданства и сенаторского достоинства, в письменных источниках подтверждения не находит. Думается, что нет оснований отказываться от идеи М.И. Ростовцева: римское гражданство в основанной Аспургом династии передавалось от него по наследству, как и римские *praeponen* и *poten* Тиберия Юлия [Ростовцев, 2003, с. 123].

изображение среди предметов кавалерийского вооружения головы коня, на которое до сих пор внимания не обращалось. Возможно предположить, что конская голова обозначает дарование боспорскому царю всаднического достоинства высшего разряда – *eques Romanus equo publico*⁵.

Дело в том, что в Риме различалось собственно *ordo equester* (греческое ἡ ἵππας, οἱ καλοῦμενοι ἵππεῖς) – все, кто имел всаднический ценз – и удостоенные государственного коня (*equus publicus*, ἵππος δημόσιος). Последние именовались у греческих авторов τὸ τῶν ἵππέων τέλος, τὸ ἵππικὸν τάγμα, ἡ ἵππας τάξις κтл. По самой терминологии видно, что этот (высший) разряд всадничества имел подчеркнуто военный характер и представлял собой особую воинскую часть (τέλος, τάγμα, τάξις) численностью в несколько тысяч человек, состоявшую из шести подразделений (турм) примерно по тысяче человек в каждой. Командовал турмой *sevir*, назначавшийся императором и ежегодно сменявшийся. Каждый год 15 июля данный корпус всадников должен был в конном строю пройти перед императором (*transiectio*).

Наделение государственным конем само по себе было высоким отличием, которое предоставлялось лично императором, что особо подчеркивалось в надписях, к примеру: *exornatus equo publico a sacratissimo principe Hadriano Aug.* (ILS. 6472), или: *equo publico ornatus ab imp. Commodo Aug.* (ILS. 2759) [Kübler, 1907, Sp. 293 ff.].

Изображенные вместе с головой коня предметы представляют собой кавалерийское вооружение, кажется, за одним исключением: топор (секира). Н.А. Фролова вслед за В.Ф. Гайдукевичем видит в этом топоре боевое оружие [Гайдукевич, 1949, с. 329; Фролова, 1968, с. 58]. Однако в специальных исследованиях топор в качестве наступательного вооружения ни боспорской, ни сарматской, ни римской конницы не фигурирует [Блаватский, 1954, с. 115, 117, 142; Горончаровский, 2003, с. 52 слл.; Нефедкин, 2004, с. 49 слл.; Симоненко, 2002, с. 110 слл.; Коннолли, 2000, с. 236; Энглим и др., 2004, с. 110; Webster, 1969, p. 151 ff.]⁶. Таким образом, на монетах, видимо, изображен топор для жертвоприношений, в котором следует видеть символ жреческого достоинства – как свидетельствуют надписи, боспорские цари были пожизненными первосвященниками Августов.

Н.А. Фролова обратила внимание на то, что иногда изображенный на монетах щит украшен лавровым венком [Фролова, 1999, с. 158]⁷. Это прямо указывает

⁵ По мнению С.Ю. Сапрыкина, высказанному в дискуссии на Жебелевских чтениях 2010 г., голова коня может обозначать происхождение боспорской династии от Посейдона. Однако следует вспомнить, что на монетах Митридата VIII (III) Посейдона символизировал трезубец.

⁶ В.Д. Блаватский, правда, полагал, что «всадник, не имеющий опоры на стремена, успешно может поражать врага метательным оружием и наносить в рукопашном бою удары топором или копьем, держа его в одной руке» [Блаватский, 1954, с. 119, прим. 4]. Однако это упоминание о топоре не подкреплено никаким фактическим материалом.

⁷ В.А. Анохин на эту деталь не обратил внимания [ср.: Анохин, 1986, №№ 467, 469].

на его наградной характер (здесь можно вспомнить золотой *clipeus virtutis* Августа и серебряные щиты, которыми по решению римского всадничества были награждены его внуки Гай и Луций – RgdA. 34.2; 14.2.). Что же касается копья, то похоже, что в отдельных случаях оно не имеет наконечника. Позволительно предположить, что это не ошибка резчика и не результат того, что данная деталь не прочеканена как следует: так изображена *hasta pura* – копье без наконечника, относящееся к самым почетным боевым наградам Рима.

В системе *dona militaria* эпохи Империи соблюдалась четкая субординация: префекту и военному трибуну полагались *corona, hasta pura* и *vexillum*, (часто лишь *corona* и *hasta*), реже двойной комплект этих наград. Тройной комплект получали *legati praetorii*, три венка, но только два копья и два знамени – *legati questorii*. Высшая награда (четыре комплекта) полагалась только легатам консулярского ранга [Fiebiger, 1905, Sp. 1530].

Боспорскому царю, римскому всаднику и военному трибуну, естественно, полагался один комплект или его отдельные составляющие. Но компенсировать отсутствие остальных можно было другими почетными дарами, которые и изображены на монетах. Вывод: в целом ряде, если не в большинстве, случаев изображенные на боспорских медных монетах царские награды к утверждению данного монарха на троне отношения не имели: это была оценка Римом его конкретных военных и дипломатических достижений.

В этой связи имеет смысл, не претендуя на абсолютную точность, все же попытаться проследить, насколько часто изображаются эти *dona regalia* в течение анализируемого периода:

Котис I – 1

Рескупорид I – 2

Савромат I – 24

Котис II – 5

Реметалк – 3

Евпатор – нет

Савромат II – 8

Рескупорид II – 1

Бросаются в глаза следующие обстоятельства. Первое – что Савромат I имел этих наград больше, чем все остальные его коллеги, вместе взятые. Второе – что царь Евпатор, если следовать общепринятой логике, вообще не был утвержден на троне своим римским патроном, так как меди с изображением $\tau\epsilon\iota\sigma\alpha\iota$ не чеканил. Однако хорошо известно, что это не так: отношения Боспора с Римом при этом царе были вполне нормальными. Лукиан упоминает, как его выручили из беды, взяв на свой корабль, именно направлявшиеся в Вифинию послы Евпатора, которых он встретил в пафлагонийском городе Эгиалах: $\epsilon\upsilon\theta\alpha\ \epsilon\upsilon\omega\ \text{παραπλέουτας}\ \epsilon\upsilon\rho\acute{\omicron}\nu\ \text{Βοσποριανούς}$

τινας πρέσβεις παρ Εὐπάτορος τοῦ βασιλέως ἐς τὴν Βιθινίαν ἀπιόντας ἐπὶ κομιδῇ τῆς ἐπετείου συντάξεως (Lucian. Alex. 57 (261))⁸.

В таком случае возникает естественный вопрос: что же следует считать символом официального признания Римом данного боспорского царя, в частности, Евпатора? По словам М.И. Ростовцева, зависимость Боспора от Рима «сказывается, прежде всего, и в римском имени царя – Тиберий Юлий, имени, которое, вероятно, уже Аспург получил вместе с римским гражданством и передал всему своему потомству... и то, что они получают от императоров знаки своей власти, делающие из них нечто среднее между царем и римским магистратом: с одной стороны – скипетр с бюстом императора и царский венец, может быть, также с *портретом императора на украшающей его центральной гемме* (курсив мой. – В.П.), с другой – курульное римское кресло и римская одежда – тога. Очень характерны официальные почетные дары римских императоров боспорским царям, нечто вроде знаков инвеституры – полное кавалерийское римское вооружение: меч, копье, круглый щит, секира, шлем с султаном, лошадь. Все это – и знаки власти, и почетные дары – неукоснительно изображается царями I и II вв. по Р.Х. на оборотах их медных монет» [Ростовцев, 2003, с. 123].

Видимо, с легкой руки классика нашей науки, Н.А. Фролова, анализируя этот ряд изображений на монетах Савромата I, безапелляционно утверждает: «Бесспорно, что все типы имеют инвеститурный характер» [Фролова, 1999, с. 149]. Однако, как нетрудно видеть, М.И. Ростовцев все же отделяет знаки власти от почетных даров, то есть «полного кавалерийского римского вооружения», и, думается, средневековый по происхождению термин «инвеститура» употреблен им не вполне корректно.

Обратимся к историческим прецедентам. Когда после битвы при Каннах Рим лихорадочно пытался сохранить прежних союзников и приобрести новых, нумидийский правитель Сифакс получил от них пурпурную тогу и тунику, курульное кресло и золотую чашу весом в пять фунтов (*togam et tunicam purpuream, sellam eburneam, pateram ex quinque pondo auri factam*)⁹. Примерно тогда же римские послы вручили египетскому царю Птолемею IV пурпурную тогу и тунику вместе с курульным креслом (*togam et tunicam purpuream cum sella eburnea*)¹⁰ (Liv. XXVII.4.8,10). Несколько десятилетий спустя, в 172 г.,

⁸ Есть все основания считать, что этот ἐπέτειος σύνταξις – римские ежегодные субсидии Боспору. Более подробно этот вопрос анализирует Н.А. Фролова [Фролова, 1982, с. 57 слл.]. В данном случае важно то, что отношения Боспора с Римом при Евпаторе были традиционно дружественными и продолжала действовать программа римской финансовой помощи государству-сателлиту.

⁹ Примечательно, что другие африканские царьки получили лишь по претексте и по золотой чаше весом в три фунта (Liv. XXVII.4.9).

¹⁰ То есть sella curulis [Kübler, 1923, Sp. 1314].

пергамскому царю Евмену были оказаны всевозможные почести, он был буквально осыпан дарами, среди которых были курульное кресло и скипетр слоновой кости (*omnes ei honores habiti donaque quam amplissima data cum sella curuli atque eburnea scipione*) (Liv. XLII.14.10.).

Но наиболее интересен и ближе всего подходит к тому, что М.И. Ростовцев и вслед за ним Н.А. Фролова называли инвеститурой, случай со знаменитым Масиниссой. В 203 г. до н.э. Сципион, разгромив карфагенского союзника Сифакса и доставив власть над Нумидией Масиниссе, «впервые назвал Масиниссу царем, превознес его похвалами и даровал ему золотой венок, золотую чашу, курульное кресло, жезл из слоновой кости, расшитую тогу и туннику с узорами из пальмовых ветвей» (*Masinissam, primum regem appellatum eximisque ornatum laudibus, aurea corona, aurea patera, sella curuli et scipione eburneo, toga picta et palmata tunica donat*) (Liv. XXX.15.11. Перев. М.Е. Сергеенко).

Здесь фигурируют, в числе прочих, и те предметы, которые мы видим на боспорских монетах: венок, курульное кресло и скипетр, причем дарованы они были виновнику торжества именно по случаю его провозглашения царем. Однако всего через три года после этого, в начале Второй македонской войны, сенат, заинтересованный в получении для нее прославленной нумидийской конницы, присылает к Масиниссе послов с дарами: *dona ampla data, quae ferrent regi, vasa aurea argenteaque, toga purpurea et palmata tunica cum eburneo scipione et toga praetexta cum curuli sella* (Liv. XXXI.11.11-12). Нетрудно заметить, что в обоих случаях царю был преподнесен сходный набор ценных подарков, в том числе курульное кресло и скипетр, но во втором случае *aurea corona* отсутствует, что подтверждает: именно золотой венок означал признание данного правителя Римом.

Следует отметить, что стандартный тип реверса боспорского сестерция, начиная со времени Нерона и Котиса I, представляет собой обозначение номинала (МН), обрамленное венком [Анохин, 1986, № 352]. Уже при Рескупориде I к этому изображению добавлена еще одна деталь: между кончиками ветвей венка изображен предмет либо овальной, либо круглой формы. Очевидно, это и есть гемма, которую имеет в виду М.И. Ростовцев¹¹. На сестерциях всех без исключения вышеназванных царей, в том числе и Евпатора, этот тип оборотной стороны монеты присутствует. Следовательно, что, помещая изображение венка с геммой на реверсе медных монет, боспорские цари подчеркивали тем самым легитимность своей власти. Что же касается изображения прочих регалий и наград, то возможно предположить, что частотность их появления на монетах точно соответствует уровню военной и вообще внешнеполитической активности Боспорского царства в указанный период. Таким образом, пик военных усилий Боспора приходится на время Савромата I, тогда как царствование Евпатора было самым спокойным во II веке н.э.

¹¹ Выражаю свою признательность А.В. Куликову за указание на эту важную деталь.

Если вернуться ко времени правления Савромата, то нельзя обойти вниманием столь важный первоисточник, как письма Плиния Младшего, в которых упоминается о боспорских делах. Наместник Вифинии пишет Траяну, что императорский вольноотпущенник Ликорм (Lycormas) просил задержать боспорское посольство к принцепсу до его, Ликорма, прибытия, но Плиний не счел возможным выполнить эту просьбу (Plin. Ep. X.63 (13); 67 (15)). Кроме того, Савромат в личном письме Плинию сообщил, что царский письменосец как можно быстрее должен доставить императору некую важную информацию: «*Rex Sauromates scripsit mihi esse quaedam, quae deberes maturissime scire*» (Plin. Ep. X.64 (14)).

По поводу содержания этой информации, цели боспорского посольства и смысла просьбы Ликорма существует немало предположений [обзор см.: Сапрыкин, 1998, с. 199 сл.]. Сам С.Ю. Сапрыкин пишет: «Мы вряд ли ошибемся в предположении, что такая опасная для римлян тенденция в политике и поведении Савромата I (стремление к большей независимости Боспора от Рима. – В.П.) вызвала подозрение у Ликорма, поспешившего указать на это Траяну и попытавшегося упредить посольство царя в Рим, которое, очевидно, должно было объяснить там причины появления прогосударственной риторики и усиления царства. Оно, видимо, призвано было также успокоить императора и внушить ему мысль об отсутствии какой бы то ни было опасности в этом для Рима.» [Сапрыкин, 1998, с. 203 сл.]. Нельзя не заметить, что в данном случае конструкция С.Ю. Сапрыкина выглядит чисто произвольной, и придется примириться с тем, что мы никогда не узнаем, о чем беспокоился Ликорм и какую секретную информацию Савромат должен был срочно сообщить Траяну.

В.П. Толстиков для доказательства своей гипотезы привлекает и поистине авантюрную историю Каллидрома, бывшего раба Лаберия Максима, одного из полководцев Траяна (Plin. Epist. X.74 (16)). Каллидром попал в плен к дакам и был подарен Децебалом парфянскому царю Пакору II. Можно согласиться с тем, что попасть в Парфию он мог только в составе дакийского посольства. В.П. Толстиков полагает, что посольство прошло по территории Боспорского царства с согласия его царя: это была часть «двойной игры» Савромата, вызвавшей недовольство римлян и их карательную акцию [Толстиков, 1992, с. 57].

Маршрут дакийского посольства был сухопутным, это бесспорно: морской путь исключался, так как акваторию Понта Эвксинского контролировал римский военный флот. Более вероятным представляется «северный» вариант, в обход боспорских владений, – один из двух, предложенных С.Ю. Сапрыкиным [Сапрыкин, 1998, с. 200, прим. 34]. Кочевые племена, союзники Децебалы, знали степь как свои пять пальцев и всегда могли избрать безопасный путь. Таким образом, и этот сюжет не делает более вероятным конфликт интересов Боспора и Рима при Савромате I.

С ярко изображенной В.П. Толстикovým картиной разрушения оборонительной системы «Острова» и укреплений акрополя Пантикапея диссоциирует известная надпись, поставленная по инициативе декурионов римской колонии Синопы в честь царя Савромата, в которой он назван «превосходнейшим другом императора и римского народа» (*amicus imperatoris populique Romani praestantissimus*) (КБН. 46).

Считать бронзовые фигурки орлов «скульптурными наверхшиями (очевидно, значков – В.П.) римских войсковых подразделений» [Толстикóв – 1992, с. 65, прим. 65], по крайней мере, в отношении той, что была найдена при раскопках крепости «Батарейка II», было бы неосторожно. Здесь исключительно важен контекст находки. Согласно гипотезе В.П. Толстикóва, крепости Фанталовского полуострова были ликвидированы одновременно, причем гарнизоны оставили их без боя. В таком случае непонятно, каким образом римляне, проводившие эту карательную акцию, могли утратить хотя бы деталь своего боевого знамени. Представляется, что исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, не учитывают особенностей римского воинского менталитета и, в частности, отношения к знаменам [подробно на эту тему см.: Stoll, 1995, S. 107–118; Махлаюк, 1997, с. 167–180].

Вызывает подозрение и тот факт, что в уничтоженных крепостях остались запасы продовольствия и достаточно много ценных предметов [Толстикóв, 1992, с. 58]. Если учесть, насколько образцово у римлян еще с республиканских времен был организован грабеж захваченных городов (Polyb. X.16.2–8), их «бесхозяйственность» в данном случае выглядит достаточно странно.

Подведем итоги. К числу фактов бесспорных можно отнести разрушение крепостей Фанталовского полуострова во II в. н.э. [Сокольский, 1967, с. 108–115; Сокольский, Стручалина, Голенко, 1974, с. 93; Сокольский, 1976, с. 113, 117]. Однако причина (или причины) их гибели остается неизвестной, существующие предположения доказанными считать нельзя. Несмотря на скептическое отношение А.А. Масленникова к популярной ныне точке зрения на землетрясения как причину массовых разрушений на Боспоре в определенные периоды его истории [Масленников, 2008, с. 182], не следует *a priori* исключать и этот вариант. В настоящее время разработаны достаточно четкие критерии определения причин катастроф на памятниках античной археологии [Винокуров, 2008, с. 67–77], которыми вполне можно руководствоваться и в данном случае¹². Продолжает существовать точка зрения, связывающая

¹² Авторитет Н.И. Сокольского привел к тому, что его предположение о применении осадных машин при разрушении данной крепости в дальнейшем стало восприниматься как аксиома [АГСП, 1984, с. 90; Толстикóв, 1992, с. 58]. Между тем, доказанным его считать нельзя хотя бы потому, что землетрясение дает сходную картину разрушений [ср.: Сокольский, 1967, с. 110, 112; Винокуров, 2008, с. 67–77]. Пожар, в котором погибли крепости Фанталовского полуострова, в таком случае тоже объясним: «Любой подземный толчок и в наше время опасен хотя

гибель укреплений «Острова» с вторжением варваров [Цветаева, 1979, с. 18; Сапрыкин, 1998, с. 203]¹³.

Не может вновь не возникнуть вопрос о цели гипотетической карательной акции римлян. Во времена Афинской архэ афиняне заставляли непокорных союзников срывать укрепления со стороны моря, и это понятно: на море господствовал афинский флот. Римлянам, задайся они подобной задачей, следовало бы сделать нечто подобное. Но открывать восточные рубежи Боспорского царства для вторжений варваров, ликвидировав «единую, глубоко эшелонированную систему оборонительных сооружений» [Ломтадзе, 2009, с. 264 сл. Ср.: Сокольский, 1976, с. 113, 117], было бы абсурдно.

Приходится заключить, что при современном состоянии источников считать разрушение крепостей Фанталовского полуострова инициативой или даже прямым делом рук римлян нет достаточных оснований [Сапрыкин, 1997, с. 92. Ср.: Панов, 2008, с. 190 сл., 237]. Поэтому правомерно заключить, что свет на причину гибели укреплений «Острова» могут пролить лишь новые археологические исследования, проводимые с использованием самых современных методик. Пока же, как представляется, реанимировать в том или ином виде старую гипотезу об антиримском союзе Дакии, Боспора и Парфии [см.: Кнабе, 1977, с. 140], как минимум, преждевременно.

бы тем, что он сбрасывает на пол горящую лампу и может вызвать пожар... » [Кусто, Паккале, 1986, с. 142.]. Не нашел пока объяснения и тот факт, что человеческих останков при раскопках крепостей не обнаружено, тогда как при землетрясении обитатели помещений вполне могли успеть их покинуть (обед, оставленный на столе [Сокольский, 1967, с. 114], находит тогда вполне логичное объяснение).

¹³ Как справедливо отметил в ходе дискуссии на X Боспорских чтениях В.П. Толстикова, во времени выхода в 1992 г. его статьи новых данных о взаимоотношениях Боспора и Рима в первые десятилетия II в. н.э. не прибавилось. Таким образом, приходится оперировать тем же набором фактов, что давно и хорошо известен науке. Пополнение информационной базы возможно лишь за счет археологических исследований. По любезному сообщению Владимира Петровича, к настоящему времени более или менее изучено шесть крепостей, входивших в систему обороны Азиатского Боспора. Результаты исследований позволяют сделать вывод об их одновременной гибели. Однако единства мнений среди специалистов по этому поводу нет: следы разрушений на «батареях» могут датироваться и более широко, в пределах всей первой половины II в. (выражаю признательность А.А. Завойкину за консультацию по этому вопросу).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. 1 (1834–2005 гг.). Симферополь; Керчь, 2007–2008.
- Бертъе-Делагард А.Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // Бертъе-Делагард А.Л. Автобиография. Избранные труды по нумизматике. Т. I. Симферополь, 2009.
- Блаватский В.Д. О Рескупориде Первом // СА. 1976. № 4. С. 56–62.
- Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
- Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А. Laudatio Funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. №. 2.
- Винокуров Н.И. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье // БЧ. 2008. Вып. IX.
- Горнчаровский А.В. Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. Спб.; М., 2003.
- Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л.. 1951.
- Кнабе Г.С. Спорные вопросы биографии Тацита. Cursus honorum // ВДИ. 1977. № 1.
- Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / пер. с англ. М., 2000.
- Кудрявцев О.В. Рец. на: В.Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М., 1949 // ВДИ. 1949. № 4.
- Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1.
- Кусто Ж.-И., Паккале И. В поисках Атлантиды / Пер. с франц. // Кусто Ж.-И., Паккале И. В поисках Атлантиды. Щербаков В.И. Золотой чертог Посейдона. М., 1986.
- Ломтадзе Г.А. Оборонительные сооружения Азиатского Боспора позднеэллинистического – раннеримского времени // БЧ. 2009. Вып. X.
- Масленников А.А. Война и военный фактор в археологии и истории Боспора // Боспорские чтения. Керчь, 2008. Вып. IX.
- Махлаюк А.В. «Религия и любовь к знаменам». К вопросу о культе знамен в римской армии // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997.
- Надэль Б. И. Боспорская надпись IOSPE, П, 33 // ВДИ. 1948. № 3.
- Нефёдкин А. К. Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н.э. – V в. н.э. Спб.; М., 2004.
- Панов А.Р. Рим на северо-восточных рубежах: взаимоотношения с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н.э. – первой трети II н.э. Арзамас, 2008.
- Парфенов В.Н. Ульпии на Боспоре: кто есть кто? // БЧ, 2008. Вып. IX.
- Парфенов В.Н. Боспорская миссия Марка Ульпия Прима // АМА. 2009. Вып. 13.
- Ростовцев М.И. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. 1990. № 1.
- Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. 2-е изд. М., 2003.
- Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. М., 1992. Вып. 10.
- Сапрыкин С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1.
- Сапрыкин С.Ю. Царь Савромат I Боспорский // Античность: история и историки. Казань, 1997.
- Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. №. 2.
- Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109.
- Сокольский Н.И., Стручалина Р.А., Голенко В.К. Третий Патрэйский клад // АМА. 1974. Вып. 2.
- Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
- Суриков И.Е. Еще раз о Гилоне, деде Демосфена: взгляд со стороны Афин // БЧ. 2009. Вып. X.

- Фролова Н.А.* Боспор и Рим в конце I – начале II вв. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. 1968. № 2.
- Фролова Н.А.* Денежное обращение Боспора в 45–234 гг. н.э. // НС. 1974. Вып. 5.
- Фролова Н.А.* Медные монеты Котиса I как исторический источник // СА. 1976. № 3.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Часть I. Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н. э. – 210/211 г. н. э. М., 1997.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Рискупорида II // НЭ. 1968. Т. VII.
- Фролова Н.А.* О римско-боспорских отношениях в I – середине III вв. н. э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982.
- Функ Б.* Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979.
- Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. № 4.
- Шмалько А.В.* Восточный поход Нерона // АМА. 1990. Вып. 8.
- Энглим С., Джестис Ф.Дж., Райс Р.С., Раи С.М., Серрати Дж.* Войны и сражения древнего мира. 3000 год до н.э. – 500 год н.э. / Пер. с англ. М., 2004.
- Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 128–215.
- Alföldi A* The Crisis of the Empire (A.D. 249–270) // САН. 1939. Vol. XII.
- Fiebigler.* Dona militaria // RE.1905. Bd. 5.
- Heinen H.* Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Mainz; Stuttgart, 2006.
- Kübler.* Equites Romani // RE. 1907. Hbd. 11.
- Kübler.* Sella curulis // RE. 1923. 2. R. Hbd. 4.
- Luttwak E. N.* The Grand Strategy of the Roman Empire. From the First Century A. D. to the Third. Baltimore; L., 1976.
- Minns E.H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Nadel B.* Reges amici Pynocnego Nadczarnomorza i ich stosunki prawno-polityczne z Rzymem w ostatnim wieku republiki i pierwszych dwuch stuleciach cesarstwa // Eos. 1961. Vol. 51.
- Nawotka K.* The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs // Latomus. 1989. T. 47.
- Regling K.* Мьнзwesen // RE. 1933. Hbd. 33.
- Rosenberg.* Rex // RE. 1914. 2. R. Hbd. 1.
- Rostovtzeff M.* The Sarmatae and Parthians // САН. 1936. Vol. XI.
- Stoll Q* Die Fahnenwache in der rumischen Armee // ZPE. 1995. Bd. 108.
- Webster G.* The Roman Imperial Army of the first and second centuries A.D. L., 1969.

В.М. Парфьонов

ДО ОЦІНКИ РИМСЬКО-БОСПОРСЬКИХ ВІДНОСИН В I-II ст. н.е.

Резюме

Автор, аналізуючи данні нумізматики, епіграфіки, археології, відомості античних авторів, приходять до висновку, що дружні відносини Риму і Боспору після військового конфлікту 40-х рр.. I ст.н.е. більш не порушувались. Гіпотеза про прояв Савроматом I сепаратистських тенденцій фактами не підтверджується. Зображення на монетах боспорських царів I-II ст. регалій і почесних дарів може служити індикатором військових та дипломатичних успіхів Боспору, які заохочував Рим.

В.Н. Парфенов

К ОЦЕНКЕ РИМСКО-БОСПОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В I-II вв. н.э.

Резюме

Автор, анализируя данные нумизматики, эпиграфики, археологии, сведения античных авторов, приходит к выводу, что дружественные отношения Рима и Боспора после военного конфликта 40-х гг. I в. н.э. больше не нарушались. Гипотеза о проявлении Савроматом I сепаратистских тенденций фактами не подтверждается. Изображение на монетах боспорских царей I-II вв. регалий и почетных даров может служить индикатором военных и дипломатических успехов Боспора, поощряемых Римом.

V.N. Parfyonov

TO THE ESTIMATION OF THE RELATIONS BETWEEN ROME AND BOSPORUS
IN THE 1st – 2nd CENTURIES AD

Summary

The author, analyzing the data of numismatics, epigraphy, archaeology, the information of ancient authors, comes to the conclusion that friendship of Rome and the Bosphorus after the military conflict of the 40s of the 1st century AD was indestructible. There are no facts proving the hypothesis of separation tendencies displayed by Savromates I. The images of regalia and honorable gifts on the coins of the Bosporan kings in the 1st-2nd centuries can serve as the indicators of military and diplomatic success of the Bosphorus encouraged by Rome.